Шабасова, М. А. Англо-американские исследования посткоммунистической России / М. А. Шабасова, В. И. Меньковский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 207 – 211

М. А. Шабасова, В. И. Меньковский

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ *

Распад Советского Союза вызвал кризис советологии, дисциплины, занимавшейся исследованием стран коммунистического блока. После исчезновения СССР как стратегического противника Запада встал вопрос о целесообразности продолжения масштабного изучения региона. В англо-американской академической среде развернулись дискуссии о дальнейшей судьбе советологии. Одновременно начался процесс становления современного россиеведения, его вживание в научную и образовательную системы западных стран.

Кризис классической советологии. Споры о будущем дисциплины. Дебаты о соответствии советологии критериям научности проходили в категориях обвинения и оправдания. Причиной вынесения на обсуждение вопроса о состоятельности дисциплины стала неспособность советологов предсказать распад СССР, из чего следовало предположение о недопонимании ими природы советской системы и направленности ее развития. Критика касалась как тоталитарной школы, доминировавшей в «советских исследованиях» в 1950—1960-е гг., так и ревизионистского подхода, пришедшего на смену тоталитарной парадигме в 1970-е гг.

Тоталитарная модель критиковалась за акцентирование внимания исключительно на проблемах государства и политического режима, отрицание возможности плюрализма в партийном аппарате и игнорирование проблем общества. Еще в 1985 г. С. Коэн писал: «Вообразив советскую историю лишенной противостоящих друг другу традиций и альтернатив, советскую политическую жизнь свободной от воздействия социальных факторов, а «монолитный режим» не знающим каких-либо значимых внутренних конфликтов, советология осталась со статичной концепцией застывшей системы» [1].

Представители ревизионистского направления сместили акценты с изучения политического режима на проблемы общества и уделяли наибольшее внимание проблемам национализма, русификации, взаимоотношения элиты и масс, росту бюрократизации [2]. М. Малия в 1989 г. в статье, вышедшей под псевдонимом «Z» и в силу этого известной как статья «Z», писал, что «начиная с середины 1960-х гг. сменяющие друг друга поколения ревизионистов стремились переставить свойственное для тоталитарной модели ударение на идеологию и политику на общество и экономику, перейти от «режимных исследований» к «социальным исследованиям» и заменить «историю сверху» на «историю снизу» [3]. Ревизионисты были настроены по отношению к СССР намного доброжелательнее, чем последователи тоталитар-

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2006—2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (ГКПНИ «История и культура»).

Шабасова Марина Алексеевна — преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук; **Меньковский Вячеслав Иванович —** профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета, доктор исторических наук

ной модели. Послесталинский СССР рассматривался ими как продукт эксперимента, в результате которого общество приобрело черты, присущие обществам Западной Европы и США.

В 1980-е гг. большинство советологов с оптимизмом смотрели на перспективы Советского Союза: советская система представлялась реформируемой и способной двигаться путем модернизации. Ярким примером такого видения будущего СССР стали взгляды Дж. Хафа, заявлявшего в 1991 г., что позиции советского лидера кажутся исключительно прочными, республики, несмотря на происходившие там волнения, останутся частью Союза, реформы в экономике имеют шансы на успех, а КПСС способна сохранить доминирующее положение в стране, став неким подобием мексиканской Институционально-революционной партии или японской Либерально-демократической партии [4].

Одним из наиболее последовательных критиков ревизионистского направления являлся М. Малиа. Ученый утверждал, что «на протяжении двадцати с лишнем лет западная советология в основном концентрировалась на таких источниках советской «стабильности», как «зрелое индустриальное общество», обладающее потенциалом «развития плюрализма»...Вместо того, чтобы рассматривать советское руководство в соответствии с его идеологическими утверждениями о «построении социализма», западная советология по большей части применяла к советской реальности категории социальных наук, разработанные на основе изучения западных реалий, итогом чего стало то, что экстраординарный, поистине сюрреалистический советский опыт стал представляться банальным до тривиальности». М. Малиа также отмечал, что для ревизионистов было свойственно рассматривать советскую историю через призму модернизации, полагая, что урбанизация и всеобщее образование в конце концов приведут к тем же результатам, что и на Западе [3].

В другой получившей широкую известность статье «Из-под глыб, но что?» автор, подчеркивая, что советология, по сути, является синтезом исследований в области экономики, политологии, социологии и истории советской системы, проанализировал недостатки каждой из четырех составляющих. По мнению М. Малиа, плановая экономика Советского Союза, изучавшаяся с помощью методов и теорий, разработанных для рыночной экономики, неизменно получала более высокие оценки, чем она того заслуживала.

Перенос западных теорий и представлений на советскую действительность сказался и на политологических исследованиях, где наиболее частыми характеристиками Советского Союза стали такие понятия, как «развитие», «авторитаризм» и «плюрализм». Сторонники такого подхода к изучению СССР верили, что построение социализма являлось всего лишь вывеской, за которой стояли банальные цели экономического развития. Что же касается политического устройства страны, то, как утверждали ревизионисты, сталинский тоталитаризм при последователях «великого вождя» сменился обычным авторитаризмом, а советская система управления вполне могла бы называться «институциональным плюрализмом», так как казалось, что различные учреждения и местные органы власти пользовались достаточной автономией от центра. Ученые-социологии считали, что советская система хорошо «работала» потому, что была подлинно социальной системой, где инициативы исходили «снизу вверх». Стремление увидеть в Советском Союзе государство, имевшее сходство с западными образцами, сопровождалось попытками реабилитировать советскую историю, а именно создать положительный образ Октябрьской революции, НЭПа и даже сталинского режима [5].

Таким образом, критике и пересмотру подлежали все научные разработки советологов. Раздававшиеся в защиту советологии голоса не могли изменить общего впечатления о кризисе советологии и ее критическое восприятие самими советологами [6].

Большая часть экспертов сходилась во мнении относительно причин, приведших к неспособности советологов предложить жизнеспособные концепции и должным образом ориентироваться в сложившейся к концу 1980-х гг. ситуации. Хотя список мог варьироваться и быть немного длиннее или короче, есть основания говорить о ряде наиболее часто упоминав-

шихся факторов, повлиявших на методологическую и теоретическую несостоятельность советологии. Достаточно полно они были суммированы П. Рутландом, полагавшим, что: академическая объективность страдала из-за политических пристрастий советологов, которые относились к Советскому Союзу или чересчур доброжелательно, или чересчур враждебно, в зависимости от того придерживались ли они правых или левых взглядов; из-за обособленности от других общественных дисциплин «советские исследования» оставались весьма слабыми в методологическом отношении; советологам не хватало хорошего знания языков и истории региона, особенно его нерусской части; те, кто пытались вести исследования в самом СССР, сталкивались с непреодолимыми препятствиями: ненадежной информацией или полным отсутствием данных, закрытым доступом к важным материалам, преднамеренным искажением фактов со стороны советских чиновников и ученых; ведущие специалисты в области советологии были склонны выступать в роли пророков или экспертов на телевидении, а не заниматься академическими исследованиями, работая с эмпирическими данными; в силу профессиональной, личной или политической конкуренции большинство ученых-эмигрантов остались «за бортом» советологии, утратившей, таким образом, возможность обогатиться за счет знаний непосредственных свидетелей советской действительности; финансовая зависимость от правительства позволяла разведывательным и военным ведомствам вмешиваться в академические исследования [7].

В 1990-е гг. встал вопрос о продолжении существования советологии. Часть исследователей полагала, что советология исчезла вместе с СССР. А. Ноув писал: «Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла». С. Хансон, рассматривая советологию применительно к современным исследованиям, полагал, что она перестала быть отдельной дисциплиной, а постсоветология влилась в основной поток политологии [8] У. Лакер красноречиво назвал свою статью, подводившую итог «советским исследованиям», «надгробной речью над почившей в бозе советологией» [9].

Под вопросом оказалась адекватность дальнейшего использования термина «советология». Неоднократно высказывались предложения сохранить название «советология» для изучения Советского Союза, сделав ее тем самым исторической дисциплиной. М. Буравой писал, что «советология по определению имеет дело с Советским Союзом и обусловлена его уникальностью, его формальными характеристиками. Их исчезновение означает, что советология в самом деле может только изучать прошлое» [10]. Однако консенсуса об адекватности использования термина применительно хотя бы к исследованиям СССР так и не было достигнуто.

В современном российском политическом дискурсе понятие «советология» приобрело политизированное значение и используется для обозначения дисциплины, обслуживающей нужды правительств западных стран и враждебно настроенной по отношению к России. К примеру, В. В. Путин, выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 г., призвал упразднить советологию, имея в виду науку, служившую «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» [11]. Д. А. Медведев в октябре 2008 г. на проходившей во французском городе Эвиане международной конференции заявил, что «советология, как паранойя — очень опасная болезнь» и «жаль, что ею по сей день страдает часть администрации США» [12].

Сегодня понятие «советология» по отношению к исследованиям современной России и других посткоммунистических стран не применяется. Ни одно из словосочетаний «российские исследования», «российские и восточноевропейские исследования», «евразийские исследования», «славянские исследования», «посткоммунистические исследования» не является зафиксированным названием исследований региона. К концу 1990-х гг. плюрализм в названиях стал приниматься как должное.

Реорганизация инфраструктуры «российских и восточнославянских» исследований. В начале 1990-х гг. в инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований» произошли изменения, связанные с финансовым положением научных центров и с организацией их деятельности. Окончание холодной войны делало дальнейшие крупные затраты на изучение региона нецелесообразными.

По результатам опроса, проведенного в 2000 г. Международной организацией научных исследований и обменов, 73 % «советологов» отметили, что за последние пять лет условия для проведения исследований в Восточной Европе стали более открытыми и благоприятными, но в то же время 82 % опрошенных считали, что найти финансовую поддержку стало труднее [13]. М. Хаген отмечал значительное снижение доходов европейских и американских историков, занимающихся Россией. Согласно «Хроникам высшего образования» заработная плата университетских профессоров-историков за последние два десятилетия упала с «немного выше средней» до «значительно ниже средней» [14]. Между тем, справедливости ради, нужно отметить, что «российские и восточноевропейские исследования» не были брошены на произвол судьбы. Они по-прежнему дотировалась различными фондами. Дж. Бреслауэр и В. Боннелл отмечали, что министерство образования Соединенных Штатов и после распада СССР продолжает поддерживать организации, занимающиеся исследованиями региона [15].

Исследовательские центры столкнулись и с достаточно серьезной реструктуризацией. Это было связано с распадением некогда гомогенного коммунистического пространства на ряд регионов с разными траекториями развития. Сразу обозначились различия в путях развития постсоветского пространства и бывших сателлитов Советского Союза. При более пристальном рассмотрении можно было выделить Прибалтийские республики, Кавказ, Центральную Азию, постсоветские славянские государства Россию, Украину и Беларусь, государства Вышеградской четверки, страны Юго-Восточной Европы Болгарию, Румынию и бывшую Югославию, за исключением Хорватии и Словении, которые по направленности и результатам своего развития смыкаются с Вышеградской группой. Изучение посткоммунистического пространства требовало дифференцированного подхода, что наиболее ярко проявилось в тенденции разделять исследования постсоветских республик и посткоммунистических государств Восточной Европы. В связи с «возвращением» последних в Европу их изучение предлагалось вести совместно с другими европейскими странами. Появились программы, нацеленные на исследования стран Балтии, Центральной Азии, Кавказа.

Таким образом, в отношении инфраструктуры, обеспечивающей исследования России и всего посткоммунистического пространства, можно отметить, что, с одной стороны, уменьшение спроса на исследования региона и соответствующее сокращение финансирования сделали проблематичным осуществление научных проектов, для реализации которых были сняты политические барьеры. В то же время созданная в годы холодной войны инфраструктура, подвергшись незначительным изменениям, доказала свою жизнеспособность. Более того, в 1990—2000-е гг. продолжали появляться новые исследовательские центры.

Заключение. Англо-американские исследователи внесли значительный вклад в изучение новейшей истории России. Несмотря на то, что внутри самого англо-американского сообщества и за его пределами раздается критика в адрес ряда использованных исторических и политических концепций, звучат обвинении в схематичности интерпретации путей развития России, следует признать, что на сегодняшний день англо-американская наука является доминирующей в международном академическом сообществе. Формально имея неограниченные возможности обмена мнениями с российскими учеными и инкорпорирования в свои работы их идей и мнений, западные исследователи на практике очень ограничено используют этот потенциал. Анализ академических публикаций, посвященных посткоммунистической России, демонстрирует, что в принципиальных вопросах теории англо-американские исследователи предпочитают опираться на своих коллег-соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cohen, S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917 / S. Cohen. New York : Oxford University Press, 1985. P. 25.

2. *Лаптева, Е. В.* Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 90-х годов / Е. В. Лаптева // Отечественная история. 2004. № 2. С. 159.

3. *Malia, M.* To the Stalin Mausoleum / M. Malia // Daedalus [Electronic resource]. 1990. No. 1. Mode of access: http://faculty.goucher.edu/history231/Malia.htm.

4. *Лукин, А. В.* Англоязычная советология и общественные науки в России / А. В. Лукин // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 50.

5. *Малия, М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии / М. Малия // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95—102.

6. *Breslauer, G. W.* In Defense of Sovietology / G. W. Breslauer // Post-Soviet Affairs. 1992. No. 3. P. 197—238.

7. *Rutland, P.* Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong / P. Rutland // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / edited by Michael Cox. London, New York, 1998. P. 37.

8. *Hanson, S.* Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization / S. Hanson // Demokratizatsiya. 2003. No. 1. P. 145.

9. *Лакер, У.* Надгробная речь над почившей в бозе советологией / У. Лакер // Новое время. 1992. № 31. С. 18—19.

10. *Buravoy, M.* From Sovietology to Comparative Political Economy / M. Buravoy // Beyond Soviet Studies / edited by Daniel Orlovsky. Washington, D. C., 1995. P. 78.

11. Путин призвал американцев забыть слово «советология» / Грани.ру [Электронный ресурс]. 26.09.2003. Режим доступа: http://www.grani.ru/Politics/World/US/RF/m.44813.html.

12. *Дмитрий Медведев*: Однополярный мир несостоятелен, советология — паранойя / Я 2020 [Электронный ресурс]. 08.10.2008. Режим доступа: http://www.molgvardia.ru/nextday/2008/10/08/2097.

13. What Scholars Think about Field Research Needs: A Survey of US Scholars. Mode of access: http://www.irex.org/resources/survey.htm

14. *Hagen, M.* Reflections on Ben Eklof's «By a Different Yardstick» / M. Hagen // Ab Imperio. 2008. No. 3. P. 362.

15. *Bonnel, V. E.* Soviet and Post-Soviet Area Studies / V. E. Bonnel, G. W. Breslauer // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley) [Electronic resource]. 1998. Mode of access: http://repositories.cdlib.org/iseees/bps/1998 03-bonn.

РЕЗЮМЕ

Распад Советского Союза вызвал кризис советологии, дисциплины, занимавшейся исследованием стран коммунистического блока. Для изучения процессов 1990-х гг. в «посткоммунистических странах» в целом, и России в частности, стал широко применяться компаративный анализ, продолжающий служить теоретической основой англо-американских исследований изучения истории «переходного периода».

SUMMARY

Anglo-American Studies of Postcommunist Russia. Disintegration of the Soviet Union has caused crisis of Sovietology, disciplines engaged in research of the countries of the communistic block. For studying of 1990th processes in "postcommunist countries" as a whole, and Russia in particular, it began to be applied widely the comparative analysis continuing to form a theoretical basis of Anglo-American studies of "transition period" history.

Статья поступила в редакцию 7 мая 2011 г.